

Сталактит упал на плетеный коврик и погрузился в густой, нерассеивающийся кровавый туман.

Тот медленно пришел в движение, окутывая сталактит, от которого во все стороны разлилось мягкое белое сияние. Кровавая дымка, извиваясь, заполнила всё пространство вокруг камня, из которого постепенно начала сочиться густая духовная энергия. Туман жадно впитывал её.

Постепенно кровавая дымка уплотнялась, меняя оттенок, пока сам сталактит не скрылся внутри неё окончательно. Туман продолжал преобразаться: сначала он стал нежно-розовым, напоминая сгусток живой плоти, а затем эта плоть начала светлеть, становясь прозрачной. Из неё медленно формировались голова, туловище и конечности — словно кто-то лепил фигурку из теста, пока еще с размытыми чертами.

Вскоре облик стал отчетливым: кожа цвета слоновой кости, длинные черные волосы, тонкие, благородные черты лица, изящные пальцы. Перед нами был миниатюрный Чу Синцы, сидевший в позе лотоса с плотно закрытыми глазами.

Малыш не оставался неизменным. День за днем, словно в ускоренном времени, он рос, сохраняя свои пропорции. Спустя месяц Чу Синцы вернулся к своему прежнему, восемнадцатилетнему облику. Его тело было в точности таким, как прежде, лишь в самой его сущи порой проскальзывало что-то непостижимое и таинственное.

Еще через месяц он наконец открыл глаза.

Оглядевшись, он увидел, что стены зала по-прежнему украшены драгоценными камнями и жемчугом, заливающими всё вокруг ослепительным светом, будто ничего необычного здесь и не происходило. Чу Синцы закрыл глаза и погрузил сознание внутрь себя. Он тщательно исследовал свои мышцы, кости и меридианы — никаких повреждений, напротив, тело стало даже крепче прежнего. На сердце стало спокойнее.

Затем он проверил даньтянь и духовные корни и был приятно удивлен. Его духовные корни, которые у любого другого заклинателя развивались крайне медленно, сейчас выросли почти вдвое, а уровень культивации достиг пика стадии Прорыва. Он был несказанно доволен.

Направив сознание внутрь духовных корней, он увидел странные картины, происходившие последние два месяца, и замер в изумлении. Осторожно активировав корни, он протянул ладонь, и на ней вспыхнул белый огонек размером с горошину.

Чу Синцы принялся управлять высвобождением духовной силы, заставляя пламя менять размер и температуру. Его движения были еще немного неуклюжими, и огонек слушался не до конца. Вдруг он с хлопком рванулся вверх, превратившись в столп огня высотой в несколько метров.

Чу Синцы испугался, вскочил с коврика и, сложив пальцы в заклинательную печать, подошел

ближе. В этот момент коврик внезапно содрогнулся, и от него исшла та же мощная сила, что и прежде. Только теперь она не обрушилась на Чу Синцы, а яростно набросилась на бушующее пламя, мгновенно прижав его и сжав обратно до размеров крошечного огонька.

Огонек опустился на коврик и, словно обладая разумом, принялся ласково тереться о него.

Вспомнив, что все странности начались именно с этого коврика, Чу Синцы исполнился любопытства. Он попытался поднять его с пола, но, сколько бы сил ни прикладывал, не смог сдвинуть ни на йоту. Он применял различные заклинания, направлял духовную энергию — всё было тщетно. Попытка проникнуть внутрь коврика с помощью сознания также не увенчалась успехом.

Чу Синцы не принадлежал к числу тех, кто легко сдается, — его одержимость учителем в обеих жизнях была тому ярким подтверждением. Его упрямство взяло верх: он твердо решил во что бы то ни стало докопаться до истины.

Усевшись рядом, он начал перебирать в памяти все известные ему в прошлой жизни техники заклинателей человеческого мира, но ни одна из них не подходила. Тогда он задумался о технике поиска души, которой пользовались демоны, и, сложив пару печатей, собрался поднести палец к огоньку.

Огонек, словно почувствовав угрозу, задрожал и послал ему слабый ментальный импульс:

— Хозяин, хозяин, умоляю, пощади!

Чу Синцы удивился, что пламя обрело разум, и, убрав руку, спросил мысленно:

— Я могу пощадить тебя, если ты ответишь: знаешь ли ты, какая тайна скрыта в коврике? Как его исследовать?

Огонек радостно запрыгал и быстро ответил:

— Хозяин, я только что обрел сознание и не знаю секретов коврика. Но ты можешь попробовать обжечь его мной, вдруг что-то и выйдет.

Поскольку он и огонек теперь были единым целым, Чу Синцы не сомневался в его искренности. Он направил духовную силу и сознание на то, чтобы огонек окутал коврик, но даже после долгого нагревания тот не изменился. Лишь когда Чу Синцы довел температуру до максимума, солома на коврике начала слегка меняться.

Спустя час влага из соломы испарилась, и по краям она начала скручиваться. Еще через час соломинки стали осыпаться, обнажая круглый синий каменный постамент внутри. Его поверхность была идеально гладкой и ровной, а основание уходило глубоко в пол зала.

Все здание было высечено из цельного куска синего камня, а это означало, что коврик

является неотъемлемой частью пола. Чу Синцы почувствовал досаду. Он устроил в этом зале такой переполох и выжал из огонька максимум энергии, но даже это не вызвало ни малейшего отклика за пределами здания.

Стало ясно, что как бы он ни старался, справиться с этим каменным строением и постаментом ему пока не под силу. Остаться ни с чем после стольких усилий было обидно. Он гневно уставился на огонек, который сжался в комочек и задрожал.

Поделаться с ним было нечего, и Чу Синцы вернул его в духовные корни для подпитки. Оказавшись внутри, огонек слабо отозвался:

— Хозяин, твои духовные корни очень необычны, они чем-то похожи на этот каменный коврик. Почему бы тебе не попробовать использовать первородную силу своих корней?

<http://bllate.org/book/22516/2377766>